

А. Г. Степанов
Тверь

Р. Саути («Пауку») и И. Бродский («Муха»): о механизмах творческой памяти

Идея статьи подсказана Н. Н. Мазур, выступившей в Живом Журнале с наблюдениями над двумя текстами: «Пауку» Р. Саути («To a Spider», 1798) и «Муха» И. Бродского (1985)¹. Указав на мою работу о сапфической строфе – прообразе «мушиных» четверостиший Бродского², она заметила, что верный английский след привел «не туда»³. С ее точки зрения, автор, создавая «Муху»⁴, ориентировался на стихотворение британского поэта о пауке. Приведенные построения заслуживают внимания не только со стороны поэтики, но – шире – психологии творчества. Проблема состоит в том, что, упоминая В. Вордсворта и С. Кольриджа⁵, Бродский обходит молчанием третьего лейкиста – Р. Саути, а, говоря о заслугах англичан в строфике, называет Дж. Донна, у которого воспринял «идею строфы»⁶. Имя Саути нигде не возникает. К этой «забывчивости» мы вернемся, но сначала систематизируем связи между стихотворениями.

Графическое построение

Их объединяет структурное сходство, выявляемое при визуальном восприятии. Строфика тяготеет к фигурности: стиховые ряды сгруппированы таким образом, что контуры напоминают внешний вид насекомого⁷. Гиперстрофы Бродского симметричны относительно вертикальной оси, а их трехчастное деление на катрены соотносимо со строением мухи, тело которой состоит из трех отделов:

II

Пока ты пела и летала, листья
попадали. И легче литься
воде на землю, чтоб назад из лужи
воззриться вчуже.

А ты, видать, совсем ослепла. Можно
представить цвет крупинки мозга,
померкший от твоей, брусчатке
сродни, сетчатки,

и содрогнуться. Но тебя, пожалуй,
устраивает дух лежалый
жилья, зеленых штор понурость.
Жизнь затянулась⁸.